

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР

А. А. Ахтамзян

Генуэзская конференция 1922 г. и заключенный во время этой конференции между Советской Россией и Германией Рапалльский договор вошли в историю новейшего времени как выдающиеся события, как первый крупный успех провозглашенной Советским правительством политики мирного сосуществования государств различных социальных систем в Европе. Генуэзская конференция примечательна как первый опыт Советского социалистического государства в налаживании мирного экономического сотрудничества с капиталистическими государствами Европы. «В 1922 году в Генуе на первой международной конференции, куда получила доступ Советская Россия,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— наша страна выдвинула широкую программу мирного сотрудничества и разоружения»¹.

Подготовка и проведение Генуэзской конференции с самого начала привлекли внимание советских и иностранных публицистов и исследователей. Пресса разных политических направлений во всех странах Европы, а также в Америке уделила пристальное внимание этой конференции, особенно участию в ней первого в истории социалистического государства. Советские публикации документов и материалов Генуэзской конференции были предприняты вскоре после ее окончания². Они давали цельное представление о публичной стороне хода конференции. В последующие годы увидели свет дипломатические документы ряда стран — ее участников. Осуществленные в последние годы советские публикации дипломатических документов, относящиеся к подготовке и проведению Генуэзской конференции, существенно дополняют документальную основу для всестороннего изучения этого исторического события. Наряду с фундаментальной публикацией советских дипломатических документов, предпринятой МИД СССР³, большое научное и политическое значение имеет подготовленная министерствами иностранных дел СССР и ГДР совместная публикация дипломатических документов, в частности второй ее том⁴.

Особое место среди источников по истории Генуэзской конференции занимают ленинские документы и материалы. Часть из них — это статьи, доклады и выступления, опубликованные в свое время и вошедшие в прежние собрания сочинений В. И. Ленина, другая часть — записки

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Стенографический отчет. М. 1967, стр. 58.

² «Материалы Генуэзской конференции» (Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.). М. 1922.

³ «Документы внешней политики СССР». Тт. IV—V. М. 1960—1961 (далее — «Документы»).

⁴ «Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора». Сборник документов. Т. 1. М. 1968; т. 2. М. 1971.

в адрес советских делегатов на Генуэзской конференции, проекты документов и директив, ставшие известными широкому кругу читателей сравнительно недавно. Они были впервые опубликованы в «Ленинских сборниках», а некоторые — в Полном Собрании Сочинений В. И. Ленина⁵.

Мемуарная и публицистическая литература советских авторов о Генуе сравнительно невелика по объему. Кроме выступлений и статей Г. В. Чичерина и Л. Б. Красина, следует отметить их мемуарные статьи, особенно касающиеся участия В. И. Ленина в разработке политического курса Советского государства в тот период, в частности в подготовке и проведении Генуэзской конференции⁶. Определенный интерес представляет доклад члена советской делегации Я. Э. Рудзутака о Генуэзской конференции⁷. Из воспоминаний значительный интерес представляет также книга Н. Н. Любимова и А. Н. Эрлиха, которая показывает подготовку советской делегации к конференции, содержит интересные личные характеристики участников Генуэзской конференции и дополняет имевшиеся представления новыми фактами и характерными подробностями⁸.

Специальных монографических исследований о Генуэзской конференции в советской историографии также сравнительно немного, однако этому событию уделено большое внимание в общих работах по советской внешней политике, а также по внешней политике отдельных стран. Одной из первых обобщающих работ была глава в «Истории дипломатии»⁹. Подготовке и участию советской делегации в Генуэзской конференции, отдельным аспектам внешней политики различных держав в этот период посвящены главы ряда монографий¹⁰. Получила, в частности, научную оценку и позиция США в отношении конференции¹¹. В последние годы благодаря введению в оборот новых архивных данных оказалось возможным подробное изучение большой подготовительной работы, проделанной советской дипломатией перед Генуей, в частности более полное, чем прежде, раскрытие роли В. И. Ленина в подготовке советской делегации к этой конференции, а также деятельности одного из его близких сотрудников в области дипломатии Г. В. Чичерина¹².

Историки СССР и ГДР уделяют много внимания развитию советско-германских отношений накануне и в период Генуэзской конференции, особенно истории заключения Рапалльского договора¹³. В буржуазной историографии, прежде всего в американской, признается, что участие Советской России в конференции было первым значительным успехом советской дипломатии. Искусное использование тогдашних обстоятельств и применение дипломатических методов для укрепления международного положения Советского государства считается несомненной заслугой лично В. И. Ленина и его соратника Г. В. Чичерина. Историки и публицисты в ФРГ также отводят значительное место проблемам

⁵ «Ленинский сборник» XXXV. М. 1945; XXXVI. М. 1959; XXXVII. М. 1970; В. И. Ленин. ПСС. Тт. 44, 45, 53, 54.

⁶ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1961, стр. 276—284.

⁷ См.: «Исторический архив», 1962, № 2.

⁸ Н. Н. Любимов, А. Н. Эрлих. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М. 1963.

⁹ «История дипломатии». Т. III. М.—Л. 1945, гл. VI.

¹⁰ Н. А. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах. М. 1953; С. Ю. Выгодский. У истоков советской дипломатии. М. 1965; В. А. Шишкин. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Л. 1969.

¹¹ В. Ф. Лопатин. Провал антисоветских планов США. Генуя — Гаага, 1922. М. 1963.

¹² См. М. И. Труш. В. И. Ленин и Генуя. «Вопросы истории», 1967, № 7; «Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы». М. 1966 (авторы: И. М. Горохов, Л. М. Замятин, И. Н. Земсков).

¹³ «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования». Материалы научной сессии, посвященной 40-летию Рапалльского договора. М. 1963.

нормализации отношений Германии с Советской Россией, отмечают позитивное значение Рапалльского договора для Германии¹⁴.

В целом за пять десятилетий со времени этого выдающегося дипломатического события в литературе освещены многие аспекты международной политики того времени, значение действий отдельных держав и роль отдельных деятелей. Вместе с тем не только в советской, но и в зарубежной историографии еще не написана работа по всему комплексу проблем, связанных с Генуэзской конференцией. Ранее неизвестные архивные материалы и документы дают между тем новые возможности для характеристики как отдельных аспектов проблемы, так и позиций участников Генуэзской конференции. В частности, представляет интерес выяснение значения советской инициативы в созыве конференции с участием Советской России, каннской резолюции для дипломатической борьбы вокруг основных принципов взаимных отношений государств противоположных социально-экономических систем, предварительных переговоров советской делегации в Берлине и подписания Рапалльского договора для выхода Германии из изоляции, а Советского государства — на международное поприще как равноправного партнера европейских государств.

В данной статье предпринимается попытка с использованием германских архивных материалов¹⁵, а также новой публикации «Советско-германские отношения» (т. 2) показать значение переговоров между советскими и германскими представителями накануне Генуи и их контактов на самой конференции для хода и исхода Генуэзской конференции, Рапалльского договора — для налаживания равноправного сотрудничества государств различных социально-экономических систем, а также общие итоги Генуэзской конференции.

Окончание гражданской войны и отражение иностранной интервенции, разруха и голод 1921 г., явившиеся результатом многолетней войны и блокады, поставили Советскую Россию перед рядом сложных проблем экономического и внешнеполитического порядка. Советское государство отвоевало себе условия для того, чтобы «существовать рядом с капиталистическими державами»¹⁶. Исторически это означало не только передышку, но начало новой полосы в жизни первого социалистического государства. Борьба между социализмом и капитализмом с этого момента оказалась перемещенной из военной плоскости в сферу дипломатическую и экономическую. В условиях экономической и политической нестабильности в странах Европы и перед лицом двух тенденций в политике империалистических держав — тенденции к военному сокрушению социализма и тенденции к использованию экономических факторов для укрепления позиций капитализма — советская внешняя политика поставила перед собой реалистическую задачу использовать различия интересов капиталистических государств и экономические факторы для упрочения позиций социалистического государства, для выхода его из дипломатической изоляции и налаживания взаимовыгодных торговых отношений с европейскими государствами.

Созыв международной конференции для обсуждения проблем сотрудничества государств в деле экономического восстановления назрел уже к концу 1921 года. Советское правительство, желая наладить экономическое сотрудничество с капиталистическими странами, готово было

¹⁴ W. Conze. Das deutsch-russische Verhältnis im Wandel der modernen Welt. Göttingen. 1967; R. Krenzel. Die Bedeutung des Ost-West-Handels für die Ost-West-Beziehungen. Die deutsche Frage in der Welt. Bd. 6. Göttingen. 1967; E. Laubach. Die Politik der Kabinette Wirth 1921/22. «Historische Studien» (Lübeck und Hamburg). Hf. 402, 1968; H. G. Linke. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln. 1970; H. Graml. Die Rapallo-Politik im Urteil der westdeutschen Forschung. «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1970, № 4.

¹⁵ «Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes» (Bonn. BRD) (далее — P. A.).

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 22.

пойти на обсуждение вопроса о долгах и даже сделать некоторые уступки в этом вопросе. Оно предложило конструктивную основу для урегулирования взаимных материальных претензий и потребовало признания Советского правительства другими правительствами. «Для этой цели Российское Правительство,—говорилось в ноте от 28 октября 1921 г.,—предлагает скорейший созыв международной конференции, которая бы рассмотрела требования других держав к Российскому Правительству, а также требования Российского Правительства к этим державам и выработала бы между ними окончательный мирный договор. Лишь после созыва этой конференции может быть достигнуто всеобщее умиротворение»¹⁷.

Державы Антанты после предварительных переговоров между собой приняли на Каннском совещании 6—13 января 1922 г. решение о созыве экономической конференции европейских государств. Они пригласили на эту конференцию побежденные в первой мировой войне страны (в том числе Германию), а также Советскую Россию. Условия налаживания отношений были сформулированы державами в известной каннской резолюции от 6 января 1922 года. Уже 7 января 1922 г. МИД Италии передал советской экономической делегации памятную записку с приглашением Советского правительства и лично В. И. Ленина принять участие в конференции. На другой же день Советское правительство ответило, что принимает приглашение¹⁸. Премьер Италии И. Бонини направил 13 января 1922 г. Советскому правительству копию каннской резолюции и подтвердил приглашение на конференцию, открытие которой было намечено на начало марта в Генуе.

Советское правительство приступило к подготовке своей делегации сразу же после получения приглашения. 27 января чрезвычайная сессия ВЦИК приняла постановление о составе делегации РСФСР¹⁹. 22 февраля 1922 г. восемь советских республик (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Бухара, Грузия, Украина, Хорезм и ДВР) подписали протокол о представительстве и защите их интересов на конференции делегацией РСФСР. Советские республики поручили ей представлять и отстаивать их общие интересы, уполномочили ее подписать соответствующие акты и заключать договоры с другими государствами. Был создан единый дипломатический фронт социалистических республик, который обеспечивал наиболее действенным образом отстаивание общих внешнеполитических позиций и интересов перед лицом единого фронта империалистических держав²⁰.

Советская дипломатия использовала три месяца перед созывом конференции для тщательной подготовки к ней: с одной стороны, была разработана широкая программа экономического сотрудничества, были всесторонне взвешены политические условия налаживания деловых отношений. Наряду с выработкой обоснованных контрпретензий к западным державам Советское правительство разрабатывало приемлемый принцип взаимоотношений с капиталистическим миром. В этой связи по инициативе В. И. Ленина особое внимание было уделено так называемой каннской резолюции.

Каннская резолюция как документ примечательна тем, что в ней западные державы впервые сделали шаг к признанию равноправия государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам. Заявление западных держав об отказе от насильственного навязывания другим народам принципов внутреннего экономического и социального устройства могло послужить основой налаживания мирных отношений между социалистическим государством и капиталистическим

¹⁷ «Документы». Т. IV, стр. 447.

¹⁸ Там же. Т. V, стр. 47—48.

¹⁹ Там же, стр. 66—68.

²⁰ Там же, стр. 110—112.

миром. Первый пункт резолюции, опубликованный в прессе на английском языке, гласил: «Нации не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они должны организовать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и образа правления. Каждая нация в этом отношении имеет право избирать для себя ту систему, которую она предпочитает»²¹. В официально переведенном в связи с приглашением на конференцию тексте на французском языке оказались опущенными слова «систему собственности». Именно на это и обратил внимание В. И. Ленин, видя в отказе империалистических держав от навязывания «системы собственности» ключевой элемент налаживания экономического сотрудничества между государствами с различным социальным строем. Отвергая неприемлемые требования каннской резолюции, В. И. Ленин отмечал принципиальное положительное значение ее первого пункта, который, «признавая *равноправие* двух систем собственности (капиталистической, или частной собственности, и коммунистической, принятой *пока* лишь в РСФСР), вынужден, таким образом, признать, хотя и косвенно, крах, банкротство первой системы собственности, неизбежность *соглашения* ее со второй, как равной с равным»²². По существу, этот пункт каннской резолюции был первым официальным признанием империалистическими державами факта мирного сосуществования с социалистической системой²³. Однако резолюция содержала и ряд требований, которые противоречили первому пункту и имели целью навязать Советской России предварительные условия экономического сотрудничества, такие, как неприкосновенность иностранного капитала и обеспечение за ним прибылей, признание долгов и обязательств или возмещение причиненного «иностранному интересам» ущерба и т. п. Пункт шестой резолюции формулировал общее обязательство государств «воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий против своих соседей»²⁴.

Хотя США в официальной ноте итальянскому правительству 8 марта 1922 г. и заявили, что не могут «с пользой» принимать участие в конференции, которую государственный департамент считал скорее политической, чем экономической, тем не менее они подчеркнули свою заинтересованность в экономической эксплуатации России²⁵.

Державы Антанты выдвигали в качестве условия официального признания Советского правительства принятие им выдвинутых в каннской резолюции требований. Французское правительство пыталось истолковать принятие приглашения на конференцию как согласие с каннскими «принципами», давая им одностороннее «разъяснение»²⁶. Однако каннская резолюция не выдвигалась державами как неперемное предварительное условие участия в конференции. В. И. Ленин отмечал, что «приглашая нас, от нас *не* требовали точного, ясного, формального заявления, что мы *признаем* каннские условия»²⁷. Советское правительство, принимая приглашение, сохраняло за собою свободу ведения переговоров не только с блоком государств, но и с отдельными участниками конференции на равноправной основе.

Планам создания консорциума империалистических держав советская дипломатия противопоставила предложения компромиссного урегулирования проблем с отдельными участниками конференции на дифференцированной основе: в одних случаях была проявлена готовность учесть интересы мелких держателей займов, в других — предложено

²¹ Там же, стр. 58.

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 192—193.

²³ «История дипломатии». Т. III. М. 1965, стр. 252.

²⁴ «Документы». Т. V, стр. 59.

²⁵ «Материалы Генуэзской конференции», стр. 35—37.

²⁶ Там же, стр. 26—27.

²⁷ «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 429.

прежним владельцам предпочтительное право на концессии и выражено желание получить кредиты, в третьих—противопоставлены взаимные претензии и т. д. Разумеется, желательным вариантом урегулирования отношений был взаимный отказ от претензий и налаживание сотрудничества на равноправной и взаимовыгодной основе. Эта принципиальная линия в конечном итоге дала положительный результат.

В конце февраля 1922 г. В. И. Ленин сформулировал задачи советской делегации в Генуе. По его проекту ЦК партии принял 28 февраля 1922 г. постановление, которое стало директивой для советских дипломатов. Перед ними были поставлены задачи: уклониться от признания каннских условий в части, касающейся долгов, а если это не удастся, то выдвинуть требование о признании всеми правительствами их государственных долгов и обязательств по возмещению причиненного ими ущерба; развернуть широкую программу международного торгово-экономического сотрудничества и предложить в качестве уступки предпочтительное право на концессии тем капиталистам, которые потеряли свою собственность в результате национализации; добиваться налаживания торговых отношений с капиталистическими государствами на основе кредита; подготовить полное юридическое признание Советского правительства; поддержать усилия пацифистского крыла в буржуазном лагере, чтобы сделать возможным и политическое соглашение между государствами с различными социальными системами; добиваться соглашений на равноправной основе²⁸. Подготовка советской делегации к конференции шла как в направлении разработки широкой программы международного сотрудничества, так и урегулирования отношений на двусторонней основе с отдельными капиталистическими государствами²⁹.

В Германии, которая после поражения в первой мировой войне добивалась выхода из международной изоляции на путях экономического сотрудничества, существовали наибольшие возможности усиления пацифистского крыла буржуазии. Для поведения германских правящих кругов было характерно, что они вынуждены были обстоятельствами искать примирения с Советской Россией. В. И. Ленин в свое время отметил: «Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания»³⁰. В условиях подготовки европейских стран к конференции в Генуе, когда правительства крупных держав Европы не проявили намерения идти на уступки и облегчение версальского бремени Германии, в ее правящих кругах, естественно, усилилась тенденция к соглашению с Советским правительством. Советская дипломатия умело использовала сложившееся объективное положение, предложив деловую основу для отстаивания жизненных интересов обеих стран: отказ от взаимных претензий и налаживание экономического сотрудничества.

Тотчас после приглашения в Геную В. И. Ленин предложил проведение с некоторыми буржуазными правительствами зондирующих неофициальных секретных переговоров «о предварительном намерении линии в Генуе». В записке в Политбюро от 16 января он поставил во-

²⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 406—408; т. 45, стр. 70—71.

²⁹ Выработка программы и подготовка таблицы контрпретензий Советской России к империалистическим державам показана довольно обстоятельно в ряде работ советских исследователей. См., например, Н. Н. Любимов. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия. М.-Л. 1924; Об экономических отношениях Советского государства с рядом капиталистических стран в те годы см. В. А. Шикин. Указ. соч., стр. 294—337.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 105.

прос: «Не открыть ли *тотчас* только личные (без всякой бумажки) переговоры в Берлине и Москве с немцами о *контакте* нашем и ихнем в Генуе?»³¹. Наряду с официальными переговорами в Берлине были проведены зондирующие переговоры с представителями германских промышленников. Ленинская директива, посланная в Берлин в конце января и касавшаяся налаживания экономического сотрудничества, гласила: «Необходимо действовать быстро, чтобы до Генуи иметь позитивные результаты»³². Предварительные переговоры позволили выяснить позиции сторон и облегчили выработку текста договора и согласование основных пунктов соглашения еще до Генуи. Однако в ходе переговоров выявились проблемы и трудности, для преодоления которых нужна была готовность с обеих сторон к компромиссу и соглашению. Влиятельные представители германского капитала склонны были вести переговоры, но не заключать соглашений до Генуи.

На состоявшемся 25 января 1922 г. совещании представителей Германии и Советской России обсуждались проблемы налаживания сотрудничества двух стран, в частности и в деле «восстановления Европы», которое должно было стать предметом обсуждения на международной конференции в Генуе. В обмене мнениями участвовали с германской стороны представители дипломатического ведомства и промышленники. Главным предметом обсуждения была проблема предоставления германского кредита Советской России. Г. Стиннес выдвинул ряд сомнений в возможности предоставить такие кредиты, считая, что германские капиталисты не пойдут на риск без правительственных гарантий. Относительно предоставления кредита в 300 млн. марок он высказался отрицательно: «Мы бы получили счет за это в Генуе. Нам бы сказали: если вы даете России 300 миллионов, не будучи обязанными делать это, что могли бы вы дать нам, будучи письменно связаны обязательствами перед нами?»³³. Исходя из того, что германская промышленность не сможет давать кредиты без иностранной помощи, Стиннес предложил начать с малых посильных сделок. Однако советская сторона уже в тот момент ставила вопрос о желательности конкретного соглашения еще до Генуи. Представитель фирмы «Крупп» Видтфельд заявил: «Я стою на позиции Стиннеса. Мы готовы к ряду отдельных сделок. Вопрос о кредите остается открытым. Он зависит от двух предварительных условий: во-первых, от доверия, во-вторых, от дееспособности. Легче заключить отдельные сделки, нежели целый комплекс»³⁴.

Уже на этой стадии переговоров германская сторона поставила вопрос об отказе Советской России от претензий по статье 116 Версальского договора. Относительно возможного кредита Стиннес довольно категорически заявил: «Но если, однако, мы вам поможем, то статья 116 не должна в этом случае остаться в силе. Если вы нам не доверяете, то обращайтесь к Антанте»³⁵. Статс-секретарь МИД Германии (по экономике) Симсон также подчеркнул намерение отклонить претензии, вытекающие из статьи 116. В. Ратенау, участвовавший в совещании как представитель индустрии, отметил необходимость придерживаться единой линии с другими западными державами, полагая, что у Германии имеется выбор: международный синдикат или консорциум «восстановления» России. Он заявил: «Россия хочет получить гарантии, что ей в случае бойкотирования Антантой будут обеспечены некоторые товарные кредиты. Будет весьма трудно перед лицом Антанты отстоять наше намерение взять на себя в той или иной форме обязательства перед

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 117.

³² Там же, стр. 140.

³³ P. A., Abt. IV A, Russland. Akten betreffend: den deutsch—russischen Vertrag vom 16. April 1922 (Rapallovertrag), Bd. I, 203473/004.

³⁴ Ibid., 203479/007.

³⁵ Ibid.

Россией»³⁶. Таким образом, на предварительной стадии обмена мнениями выявилось намерение германских правящих кругов добиваться отказа Советской России от претензий по статье 116, не обещая твердо ни договора, ни кредита, ни отказа от участия в консорциуме.

В ходе обсуждения проблемы отношений с Советской Россией внутри германских правящих кругов в начале 1922 г. наметились две линии: Вирт и Мальцан выступают за продолжение переговоров с целью поиска путей урегулирования; Ратенау и Стиннес — за согласование германской политики с Англией и США с целью навязать Советской России жесткие условия. 30 января состоялось совещание под председательством рейхсканцлера с участием представителей дипломатического ведомства и промышленности. Доложив об итогах бесед с советскими представителями, Мальцан поставил перед промышленниками вопрос, в какой мере можно пойти навстречу пожеланиям русских. Советская сторона, согласно немецкой интерпретации, готова была пойти на отказ от статьи 116, на предоставление лесных и нефтяных концессий, на гарантию платежей в течение трех лет. Мальцан подчеркнул: «Важно, чтобы теперь господа промышленники вели переговоры. Нить не должна обрываться. Мы можем оказаться вынужденными поставлять то, что сейчас можем поставлять добровольно»³⁷. На том же совещании Стиннес и Ратенау говорили о необходимости потребовать от Советской России беспрепятственного вывоза ценностей взамен товаров, а также согласовать политику Германии с Англией и США³⁸. Рейхсканцлер Й. Вирт, подводя итог совещания, сказал: «Фирмы должны вести переговоры с русскими совместно, чтобы те не могли использовать расхождения. Однако политические переговоры не должны прерываться»³⁹.

На состоявшихся в тот же день переговорах Стиннес заявил советской стороне: «До Генуи вы не найдете в нашей стране больших капиталов, после Генуи — да»⁴⁰. Уже в ходе этих переговоров Мальцан отметил: «Речь идет о двух договорах: 1) договоре с германской индустрией, 2) политическом договоре с германским правительством»⁴¹. Один из пунктов, сформулированных 31 января в германском МИД для включения в проект урегулирования с Советской Россией, гласил: «Германское правительство готово содействовать усилиям, имеющим целью восстановление России. Оно, однако, не будет поддерживать никакой политики, которая преследует цель колонизации России»⁴².

Советское правительство придавало большое значение срыву планов создания международного консорциума и установлению сотрудничества с германскими фирмами. Оно готово было ради этого пойти на определенные уступки. В инструкции советскому полпреду в Берлине Г. В. Чичерин 3 февраля 1922 г. подчеркнул: «Статья 116 есть для нас способ давления, и мы не можем себя связать в этом отношении, пока германское правительство занимает нынешнюю враждебную позицию против нас, тем более если Ратенау поведет свою репарационную политику, убийственную для России»⁴³. В первой половине февраля 1922 г. между советскими и германскими представителями было продолжено обсуждение проектов протокола и проблем, которые должны были получить договорное урегулирование⁴⁴.

В конце февраля 1922 г. советский торговый представитель в Берлине Б. С. Стомоняков направил В. И. Ленину письмо, в котором оха-

³⁶ Ibid., 203478.

³⁷ Ibid., 203493/017.

³⁸ Ibid., 203494/018.

³⁹ Ibid., 203495/019.

⁴⁰ Ibid., 203501/025.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid., 203513/034—035.

⁴³ «Советско-германские отношения». Т. 2, стр. 426.

⁴⁴ P. A. Rapallovertrag, 203522/205522.

рактизовал состояние концессионных дел между РСФСР и германскими фирмами. Кроме заключенных ранее договоров о создании смешанных обществ «Дерутра», «Деруметалл», «Дерулюфт», а также о сотрудничестве с райфайзеновским кооперативным союзом, к этому времени были проведены переговоры и подготовлены соглашения с несколькими десятками германских фирм. В этих условиях особенно остро ощущалась необходимость укреплять монополию внешней торговли, чтобы не оставлять у германских капиталистов надежд на возможное отступление Советского правительства от этой позиции. «Если Стиннес и Крупп встретили отрицательно предложение, сделанное им в Берлине... дать товарный кредит в 2 с половиной миллиарда марок смешанному обществу, основываемому для этой цели, то главная причина заключается в их надежде на скорый срыв монополии внешней торговли. Если бы наша политика была тверда в этом направлении, им ничего бы не оставалось, как принять наше предложение, раз они хотят торговать с Россией в большом масштабе», — писал Стомоняков в ЦК партии, В. И. Ленину⁴⁵. Вот почему именно в период подготовки советской делегации к конференции в Генуе, на которую Советское правительство шло с целью обсуждения политически подходящих условий торговли с капиталистическими странами⁴⁶, ВЦИК принял декрет 13 марта 1922 г., который закрепил основные направления осуществления монополии внешней торговли⁴⁷.

В середине февраля советская сторона заявила канцлеру Вирту, что до сих пор нет приемлемой основы для экономического урегулирования и что целесообразно прервать переговоры. Однако Вирт заверил, что будут приняты меры для изыскания возможностей соглашения. 16 февраля Мальцан предложил советским представителям для парафирования проект предварительного политического соглашения⁴⁸, по которому предлагалось урегулирование между Германией и РСФСР на основе отказа от взаимного возмещения военных расходов и военных убытков (включая реквизиции); урегулирования частноправовых отношений на основе взаимности; погашения расходов на военнопленных в соответствии с соглашением от 6 мая 1921 г. и с учетом хозяйственных нужд сторон. Проект предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений «в ближайшее время», но не немедленно. Урегулирование претензий за национализированную в РСФСР германскую собственность рассматривалось также как «предмет дальнейших переговоров». При этом делалась оговорка в духе принципа наибольшего благоприятствования. Особо оговаривалось, что «для общего урегулирования взаимных торговых и экономических отношений должен действовать принцип наибольшего благоприятствования». Подчеркивая готовность ко взаимно доброжелательному учету «хозяйственных потребностей обеих стран», германское правительство изъявляло готовность «оказать возможную поддержку сообщенным ему в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь»⁴⁹.

Проект Мальцана не решал главных проблем отношений между двумя странами, так как не предусматривал немедленного восстановления дипломатических отношений, не фиксировал отказа Германии от претензий на национализированную в Советской России немецкую собственность, не гарантировал предоставления кредитов Советской России для налаживания экономических отношений. По существу, вручением проек-

⁴⁵ «Документы». Т. V, стр. 124.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 2.

⁴⁷ «Документы». Т. V, стр. 148—150.

⁴⁸ Текст проекта был опубликован И. К. Кобляковым. См. «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования», стр. 177—179.

⁴⁹ См. «Советско-германские отношения». Т. 2, стр. 459—461.

та Мальцана завершился первый этап советско-германских переговоров в период подготовки к Генуэзской конференции. Исследовавший документы советских дипломатических архивов И. К. Кобляков отмечает, что после 17 февраля переговоры были фактически прекращены и возобновились только по прибытии в Берлин советской делегации проездом в Геную в начале апреля 1922 года⁵⁰.

Советская делегация по пути в Геную остановилась в Берлине 1 апреля и предполагала уже 4 апреля отправиться дальше. Советские дипломаты имели намерение завершить переговоры, начатые в январе — феврале, и заключить с Германией соглашение еще перед Генуэзской конференцией. В день приезда в Берлин руководители советской делегации устроили совещание с сотрудниками представительства и обсудили вопрос о переговорах с германским правительством. Участвовавший в совещании Е. Пашуканис писал: «Было решено разделить эти переговоры на две части; при этом проект соглашения о займе решено было в настоящий момент детальному обсуждению с немцами не подвергать, заявив только, что он нас не удовлетворяет ни в отношении условий, ни в отношении суммы... Что касается политического соглашения, то в него решено было включить возобновление дипломатических отношений и полный взаимный отказ от претензий, в том числе от всяких претензий частных лиц по убыткам, нанесенным национализацией»⁵¹. Взаимный отказ от претензий был ключевым моментом советской позиции в деле выработки соглашения с Германией: если для немецкой стороны было важно зафиксировать отказ Советской России от претензий на репарации по статье 116 Версальского договора (которые могли получить поддержку Франции и Англии в случае достижения компромисса в Генуе), то для советской стороны было принципиально важно добиться отказа Германии от претензий на возмещение национализированной в Советской России собственности. Германская дипломатия, решив сделать «вопрос об убытках по социализации» главным предметом торга, создала, таким образом, искусственное препятствие для достижения соглашения.

Советская дипломатия не питала иллюзий относительно готовности германского правительства к соглашению еще до Генуэзской конференции. «Общее мнение делегации сводилось к тому, что до Генуи немцы на желательное нам соглашение не пойдут»⁵². Тем не менее советские дипломаты активно форсировали переговоры. После прибытия советской делегации в Берлин члены германского правительства не предложили ей начать немедленные переговоры. Советские же представители тотчас по прибытии были согласны вести переговоры с министром иностранных дел и рейхсканцлером немедленно, подчеркнув, что они хотели бы сделать им «важные предложения для принципиального германо-русского соглашения перед Генуей»⁵³. Относительно желания Чичерина встретиться с Виртом и Ратенау в воскресенье, 2 апреля, германские дипломаты, в частности Мальцан, доложили своему правительству. В записке о первых беседах Мальцана с советскими делегатами было отмечено: «Они просят (поэтому), чтобы иметь время для дискуссии, принять их не в понедельник, а уже в воскресенье». Сославшись на занятость рейхсканцлера и министра подготовкой к Генуе, Мальцан заявил, что ему пору-

⁵⁰ См. «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования», стр. 180. Ход берлинских переговоров советской делегации с представителями германского правительства 1—4 апреля 1922 г. в подробностях известен до сих пор только по советским источникам (см. «Документы». Т. V, стр. 188—190, 202—207). Что касается немецких записей бесед или подготовительных материалов, то они еще не введены в научный оборот, и немецкая версия известна преимущественно из литературных и мемуарных публикаций.

⁵¹ «Документы». Т. V, стр. 188—189.

⁵² Там же, стр. 189.

⁵³ P. A., Rapallovertrag, 056.

чено провести предварительное обсуждение вопросов, чтобы облегчить обсуждение их в понедельник.

«Предварительное свидание» Мальцана и Г. В. Чичерина состоялось 2 апреля в гостинице «Эспланад», где остановился глава советской делегации. Как и ожидала советская сторона, германское правительство не хотело идти на полный отказ от претензий. Мальцан заявил, что возмещение «убытков по социализации» является неременным условием любого соглашения между двумя странами, в частности и соглашения о полном восстановлении дипломатических отношений. Он уверял, что правительство не сможет отстоять в рейхстаге соглашение с Советской Россией, если откажется от прав частных лиц на возмещение убытков от национализации⁵⁴. Попытки найти компромиссные формулы не привели к положительным результатам, однако, проявляя дипломатическую гибкость, Мальцан выразил склонность к дальнейшей уступчивости в поисках формулировок и под конец сообщил о готовности министра иностранных дел Ратенау в духе политического сближения сделать торжественное заявление о передаче Советскому правительству здания российского посольства на Унтер ден Линден. Как выяснилось вскоре, и этот ход был обставлен оговорками и условиями, которые отнюдь не свидетельствовали об искреннем желании немедленного урегулирования.

Только на третий день пребывания в Берлине, 3 апреля, советские представители Г. В. Чичерин и М. М. Литвинов были приглашены на встречу с Виртом и Ратенау. Весь этот день был занят переговорами с представителями германского правительства. Утром рейхсканцлер Й. Вирт принял Г. В. Чичерина. В тот же день имели место длительные беседы между главами дипломатических ведомств двух стран, в ходе которых в полной мере проявилась склонность Ратенау продолжать сложную дипломатическую игру, спекулируя на «общности интересов» западных стран и на противоречиях между Советской республикой и империалистическими державами, которые, как предполагалось, предъявят в Генуе счет Советскому правительству.

К этому времени Ратенау осознал, что план консорциума с участием Германии не может служить реалистическим путем налаживания сотрудничества. Однако в переговорах с Г. В. Чичериным он снова отстаивал именно идею консорциума с участием Германии, чтобы требовать взамен отказа Германии от участия в таком консорциуме соответствующей компенсации. Ратенау заверил Чичерина, что Германия якобы уже связана и ни в коем случае не может выйти из консорциума, однако может взять письменное обязательство не заключать никаких сделок и не совершать никаких дел в этом консорциуме без предварительного согласия Советской России. Затем, как бы между прочим, он обронил фразу, что компенсацией могло бы послужить обязательство Советской России предоставить Германии право первоочередности на все концессии. Однако условием и такого рода соглашения должно было быть урегулирование вопроса об «убытках по социализации»: Германия не должна быть поставлена в отношении компенсаций в худшее положение, чем другие государства, настаивал Ратенау⁵⁵. Формула отказа Германии от претензий была предметом длительного обсуждения, пока наконец Ратенау, подсев к Г. В. Чичерину после приема, который он устроил в честь советских представителей, не предложил компромисс: в договоре может быть указано, что Германия отказывается от «убытков по социализации» при условии, что Советская Россия не будет платить вознаграждения и другим государствам, а в секретном приложении будет отмечено, что, если все-таки будут удовлетворены претензии какой-либо другой державы, то претензии Германии снова бу-

⁵⁴ «Документы». Т. V, стр. 189—202.

⁵⁵ Там же, стр. 203.

дуг предметом рассмотрения. Это было приемлемой основой компромисса.

Устная договоренность между Чичериным и Ратенау, казалось бы, открыла дверь для соглашения. Однако утром 4 апреля Мальцан, пришедший для окончательного обсуждения проекта Ратенау, положил на стол собственный проект, который был шагом назад. Он формулировал «отказ» Германии от претензий таким образом: «Германия оставляет за собой право требовать возмещения, однако готова отказаться, если откажутся другие»⁵⁶. По существу, это было не отказом от претензий, а оговоркой права на претензии. Немецкий дипломат заявил, что действует по поручению министра иностранных дел, который-де после беседы с некоторыми членами кабинета согласен именно с его (Мальцана) формулой, что даже этот проект может быть лишь парафирован, а само соглашение должно быть предметом обсуждения кабинета, поскольку означает для Германии серьезные финансовые жертвы. «Новая» формула Мальцана была неприемлема для советской делегации как по существу, так и с точки зрения дипломатической тактики на Генуэзской конференции. В ответ на вопрос о возможности созыва заседания германского кабинета с целью подписания еще до Генуи соглашения между Германией и Советской Россией Мальцан сослался на то, что обсуждение этого вопроса потребует много времени.

Этот разговор происходил утром 4 апреля. В то утро советские представители были приглашены на завтрак к известному финансисту Ф. Дейчу, который был компаньоном Ратенау и одним из инициаторов международного консорциума. «Во время завтрака у Дейча еще раз приехал Мальцан от Ратенау и сказал, что никаких дальнейших уступок сделано быть не может», — отметил Г. В. Чичерин. Было совершенно очевидным, что германская дипломатия не хочет подписывать соглашение до открытия Генуэзской конференции. Что касается парафирования, то оно не удовлетворяло советскую дипломатию, для которой было важно, чтобы «к моменту Генуэзской конференции иметь прецедент в форме образца договора об отказе от компенсации за национализацию собственности иностранцев»⁵⁷.

В делах IV отдела МИД Германии сохранилось последнее предложение советской делегации в Берлине, которое она готова была подписать без промедления. На тексте стоит дата «4 апреля» и виза «Ма» (Мальцан), который и выдвинул формулировку, что германское правительство сохраняет за собой право на претензии по собственности германских подданных, национализированной в РСФСР: «Коль скоро РСФСР отклонит претензии других государств на возмещение подобных следствий социализации, Германия также готова отказаться от этих претензий». Согласно записи Мальцана, Чичерин предложил взять составленный накануне вариант и подписать его немедленно, не ограничиваясь парафированием, однако германская дипломатия явно не хотела этого. Мальцан отметил: «Литвинов и Чичерин отклонили это требование, подчеркнув, что оно находится в противоречии с формулировкой, согласованной вчера с г-ном рейхсминистром Ратенау»⁵⁸.

Главными итогами переговоров советской делегации в Берлине 1—4 апреля 1922 г. были согласование текста договора (кроме одного пункта: об отказе от претензий по национализации), подтверждение сторонами готовности искать компромиссную основу для соглашения и договоренность продолжить двусторонние переговоры в Генуе. Перед отъездом из Берлина Г. В. Чичерин отправил в Москву краткое сообщение об итогах дипломатических контактов: «Немцы вели переговоры с нами, что-

⁵⁶ Там же, стр. 190.

⁵⁷ Там же, стр. 204.

⁵⁸ P. A. Deutsche Delegation in Genua: Rapallo. Akten betreffend: Vertrag mit Russland. Bd. 1, 096155.

бы показать, что якобы они хотят соглашения с нами, но по всему видно, что в действительности они хотели, чтобы ничего не вышло. Для своего требования наибольшего благоприятствования в вопросе возмещения частным лицам за социализацию они предлагали новые формулы, якобы улучшающие, но в действительности ухудшающие текст. Переговоры продолжаются в Генуе»⁵⁹.

Почему Германия не пошла на подписание договора с Советской Россией непосредственно в итоге берлинских переговоров в начале апреля 1922 года? В советской и зарубежной литературе имеется вполне обоснованное объяснение этого обстоятельства: правящие круги Германии и германское правительство еще продолжали надеяться на пересмотр версальских условий по милости западных держав, и с этой позиции соглашение с Советской Россией представлялось им нежелательным. Эту линию Ратенау предложил для утверждения правительству на заседании кабинета 5 апреля 1922 г. под председательством президента Ф. Эберта. Эберт поддержал линию Ратенау перед отправкой немецкой делегации в Геную и высказался против соглашения с советскими представителями в Генуе⁶⁰. Вирту и Ратенау понадобилось поехать в Геную и на собственном опыте убедиться в том, что Германия должна сделать решительный шаг к сближению с Советской Россией, чтобы выйти из дипломатической изоляции и экономически безнадежного состояния. Ратенау пытался дать свою версию того, почему германское правительство не пошло на подписание договора еще в Берлине. Это объяснение, однако, не выдерживает критики, поскольку без каких-либо оснований сводит все к негативной позиции советской дипломатии: «В Берлине русские были сравнительно несговорчивы. Их требования были твердыми, их готовность идти навстречу — незначительной. В Генуе дело обстояло иначе. Там они осознали, что они изолировали себя и попытались найти с нами контакт»⁶¹. Документы, относящиеся к берлинским переговорам, а также зафиксированные в них формулировки свидетельствуют о том, что в Рапалло были подписаны те самые условия, от которых Ратенау (через Мальцана) отказался в Берлине. Значит, дело не в том, что советские представители изменили свою позицию, а в том, что Ратенау осознал свое положение и в Рапалло пошел на те условия, от которых отказался в Берлине.

Хотя положительные итоги берлинских переговоров не были зафиксированы на бумаге в виде окончательного документа, можно считать, что основная работа по урегулированию отношений между двумя странами была фактически завершена. Мальцан отметил, что советскую делегацию провожали в Геную в теплой атмосфере. Он записал в тот день: «Я выразил им, имея в виду сегодняшний дождливый день, нашу надежду, что итальянское солнце, возможно, даст нам новое вдохновение для новой формулировки, которая была бы приемлема для обеих сторон»⁶².

Международная экономическая конференция, открывшаяся 10 апреля 1922 г. во дворце Сан-Джорджо в Генуе и продолжавшаяся до середины мая того же года, проходила в атмосфере сложной и напряженной дипломатической борьбы, в которой получили отражение противоречия между империалистическими державами и Советским государством, между победителями и побежденными, наконец, между самими империалистическими «приглашающими державами». Хотя председа-

⁵⁹ «Документы». Т. V, стр. 181.

⁶⁰ G. Rosenfeld. Sowjetrussland und Deutschland 1917—1922. B. 1960, S. 380—382.

⁶¹ Историко-дипломатический архив (ИДА), ф. 3936, оп. 4, д. 6, л. 48, стр. 21. Ср. «Советско-германские отношения». Т. 2, стр. 539.

⁶² P. A. Deutsche Delegation in Genua: Rapallo. Bd. 1, 096155.

тельствовавший на конференции премьер-министр Италии Л. Факта при открытии пленарных заседаний и провозгласил девиз «ни победителей, ни побежденных», тем не менее острые противоречия между державами Антанты (особенно Францией) и Германией с самого начала наложили свой отпечаток на расстановку сил.

Советская делегация понимала, что предупредительное отношение западных держав к ней — всего лишь дипломатическая тактика, за которой кроется надежда на то, что приезд советских представителей в Геную — это нечто вроде «возвращения блудного сына в отеческий дом»⁶³. Дипломатия Запада стремилась поставить Советскую Россию на колени, выдвинув вновь принятие «каннских принципов», то есть сформулированных одной стороной требований, в центр внимания европейской конференции.

В такой напряженной обстановке представители правительств и прессы более чем 30 государств Европы, естественно, с особым вниманием ждали выступления советского делегата. Знаменитая декларация Г. В. Чичерина на первом пленарном заседании приобрела историческое значение: впервые в истории на широком международном форуме официально было предложено от имени Советского правительства положить в основу отношений государств с различными социальными системами принцип мирного сосуществования, признать неизбежность параллельного существования государств с социалистическим и капиталистическим строем. Равноправие и взаимность как правила международного обихода представляли собой обоснованное и жизненное условие мирного сосуществования. В этой связи Г. В. Чичерин подчеркнул особое значение и первого пункта каннской резолюции⁶⁴. Советская делегация оговорила также возможность внесения ею предложения о всеобщем разоружении.

Впечатление от выступления Г. В. Чичерина было огромным. Не случайно американский посол Чайлд в служебном донесении отметил, что на открытии конференции не было ничего яркого, кроме речи советского представителя⁶⁵. Последовавший за первыми речами дипломатический поединок Барту и Чичерина вокруг каннских условий и вопроса о разоружении показал накал страстей и неприменимость в отношении социалистического государства тона превосходства и нажима. Вмешательство Ллойд-Джорджа с призывом не перегружать корабль ввиду предстоящей непогоды означало склонность части буржуазных правительств по деловому, спокойно обсудить проблемы взаимоотношений с большевистским правительством. Советская делегация проявила конструктивный подход к повестке дня международной конференции, не настаивая ультимативно на включении в нее вопроса о разоружении. Вслед за декларациями глав делегаций началась будничная деятельность дипломатов.

Западные державы в первые же дни вручили советской делегации подготовленный ранее Лондонский меморандум экспертов, который требовал от Советской России выплаты долгов прежних правительств, отмены монополии внешней торговли и компенсации национализированной собственности. Правда, доклад экспертов оставлял за нею право потребовать от Германии компенсации военного ущерба по статье 116 Версальского договора. Это был, несомненно, тактический просчет английской и французской дипломатии, которые, таким образом, толкали Германию и Советскую Россию на путь поиска двустороннего решения проблемы взаимных претензий.

Вслед за предъявлением необоснованного счета советской делегации было сделано приглашение к неофициальным «приватным» беседам

⁶³ Г. В. Чичерин. Указ. соч., стр. 325—326.

⁶⁴ «Документы». Т. V, стр. 191—192.

⁶⁵ «Foreign Relations of the U. S. 1922», vol. II, p. 770.

в узком кругу на вилле Альбертис, в резиденции Ллойд-Джорджа. Этим переговорам западные державы придавали решающее значение, полагая, что в ходе их удастся навязать Советской России условия возобновления экономического сотрудничества. Закрытые переговоры 14—15 апреля действительно имели существенное значение и далеко идущие последствия, но не в том направлении, которое намечали западные политики. Переговоры и толки вокруг них оказали решающее влияние на линию поведения германской делегации, которая приехала со «свободными руками» в Геную, чтобы сотрудничать с Антантой, однако оказалась вне обсуждения проблем отношений с Советской Россией.

В литературе имеются различные версии относительно ситуации, сложившейся на Генуэзской конференции к 15 апреля вследствие секретных переговоров на вилле Альбертис, особенно относительно позиции Германии. Основными источниками, по которым освещались события, непосредственно предшествовавшие заключению договора в Рапалло, долгое время были мемуары Д'Абернона (изложение со слов Мальцана), а также свидетельства участника конференции графа Кесслера, написавшего биографию В. Ратенау⁶⁶. Н. Н. Любимов и А. Н. Эрлих дали по памяти свою версию, которая должна была уточнить обстоятельства возобновления переговоров между советскими и германскими представителями в ночь с 15 на 16 апреля. «К сожалению,— отмечали авторы,— дополнительных источников этого большого события еще нет»⁶⁷.

В последнее время из архивных источников стал известен дипломатический документ, проливающий свет на обстоятельства и мотивы согласия германской делегации возобновить не завершенные в Берлине переговоры с советской делегацией и пойти на подписание отдельного договора с Советским правительством в ходе конференции в Генуе. Этим документом является «Подробная запись относительно последних событий перед подписанием германо-русского договора», сделанная одним из главных участников этих переговоров, Мальцаном, тогда же в форме дневниковых заметок⁶⁸. Вот как выглядели события, если в дополнение к известным фактам использовать свидетельство германского дипломата.

В связи со сделанным на первом заседании политической комиссии 11 апреля предложением Ллойд-Джорджа и Барту рассматривать Лондонский меморандум экспертов в качестве основы для переговоров с советскими представителями германская дипломатия сделала для себя такие выводы: «В Лондонском меморандуме, в статье 6, категорически оговорено право России на возмещение военного ущерба на основе статьи 116 Версальского договора, в то время как все прочие претензии России к союзникам рассматриваются как погашенные. Далее статьи 11 и 15 приложения № 2 меморандума категорически исключают всякую претензию Германии к России. Статья 16, в частности, признает принятые царским правительством законы о конфискации имущества, которые, конечно, касаются исключительно германской собственности». Германские дипломаты, и до того поддерживавшие контакт с предста-

⁶⁶ Д'Абернон. Посол мира. Страницы из дневника. Пер. с англ. Т. I. М. 1931, стр. 212—213; «История дипломатии». Т. III. М.-Л. 1945, стр. 179—180; H. Kessler. Walter Rathenau. B. 1928, S. 396 ff.

⁶⁷ Н. Н. Любимов, А. Н. Эрлих. Указ. соч., стр. 72.

⁶⁸ P. A. Deutsche Delegation in Genua: Rapallo. Akten betreffend: Vertrag von Rapallo (vom April 1922 bis Mai 1922). Az 24/9, Bl. 098—111. Этот документ впервые использован Э. Лаубахом (см. E. Laubach. Op. cit., S. 205—207) и опубликован с сокращениями в книге F. A. Krummacker, H. Lange. Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. München. 1970, S. 480—486. Автор данной статьи изучил его в архиве в Бонне.

вителями английского Форин оффис, немедленно возобновили с ними обмен мнениями, подчеркнув, что Германия до сих пор корректно придерживалась линии согласования с Англией своей политики в отношении Советской России, однако Англия, похоже, не склонна учитывать это. В продолжительной беседе вечером 11 апреля с заведующим отделом Форин оффис Грегори Мальцан рассказал, что при проезде советской делегации в Берлине велись переговоры, но германское правительство предпочло «ехать в Геную с совершенно свободными руками». Грегори признал, что указанные статьи Лондонского меморандума ущемляют интересы Германии и что трудно ожидать или требовать от нее «самоубийства». 12 апреля Мальцан снова встретился с английскими представителями и вел с ними обстоятельные беседы. Кроме Грегори, в беседах с английской стороны приняли участие В. Клерк, Фонтейн и Уайз. Последнего германские дипломаты рассматривали как доверенное лицо Ллойд-Джорджа и знали, что он участвовал в переговорах с советскими представителями. Мальцан вновь сетовал на касающиеся Германии статьи Лондонского меморандума и сообщил, что в ходе предварительных переговоров русские проявили склонность уступить по вопросу о статье 116 Версальского договора. Англичане не дали ответа на поставленные германскими дипломатами вопросы.

Между тем стало известно, что союзники намерены вести «полуприкрытые» переговоры с советскими представителями. «Рейхсминистр Ратенау за это время два раза письменно и один раз по телефону просил Ллойд-Джорджа о встрече, все три просьбы были отклонены», — отметил Мальцан. Относительно же переговоров на вилле Альбертис стали распространяться самые разные слухи. Особенно задевало немцев то, что Франция стремится сделать главным объектом торга с русскими требования на основе статьи 116.

Вечером 14 апреля резиденцию германской делегации посетил сотрудник итальянского МИД А. Джанини, который подтвердил опасения немцев о возможности сделки Антанты с русскими. Визит Джанини имел большие последствия для определения линии дальнейшего поведения германской дипломатии. Джанини явился для того, чтобы информировать рейхсканцлера по поручению министра иностранных дел Шанцера относительно состояния переговоров приглашающих держав с советской делегацией. Он отметил, что переговоры приняли «благоприятный ход», что приглашающие державы надеются на доброжелательную позицию Германии, мнению которой они-де придают значение. Когда Джанини хотел перейти к подробностям, рейхсканцлер Вирт пригласил гостя на нижний этаж гостиницы, где беседа продолжалась целый час, с 11 до 12 часов ночи, в присутствии министра Ратенау, статс-секретаря Симсона и Мальцана. В этом кругу Джанини вновь рассказал, что неофициальные переговоры в резиденции Ллойд-Джорджа ведутся с целью выяснения отношения русских к Лондонскому меморандуму, что советская делегация согласна на признание довоенных долгов, но выдвигает свои претензии в связи с интервенцией и поддержкой союзниками Деникина, Колчака и Юденича, что обсуждаются варианты взаимного погашения довоенных и военных долгов и требований по возмещению национализированного имущества. Когда Джанини коснулся возможности возмещения ущерба от национализации предоставлением концессий на 99 лет, но без восстановления собственности, германский министр иностранных дел не удержался от постановки ключевого для германской делегации вопроса: «Министр Ратенау поставил в этот момент вопрос, имеет ли это предложение силу само по себе или в рамках Лондонского меморандума. Джанини заявил, что, само собой разумеется, в рамках Лондонского меморандума. Ратенау поблагодарил Джанини в изысканно вежливых словах за визит и сказал, что Германия не в состоянии при сложившихся обстоятельствах проявлять какой-либо интерес к

происходящему там»⁶⁹. Джанини высказал по этому поводу изумление, которое Ратенау саркастически парировал, имея в виду выработку соглашения с Советской Россией без участия Германии: «Приготовлен чудесный обед, нас на этот обед не пригласили, однако спрашивают, как нам нравится меню». Германская сторона приложила усилия, чтобы пояснить итальянскому дипломату неприемлемость ряда пунктов Лондонского меморандума для Германии, однако напрасно. Джанини ответил, что у него нет полномочий давать какие-либо обещания, что цель его визита сводится к тому, чтобы довести до сведения германской делегации то, что он уже изложил. Германская запись беседы с Джанини констатировала: «Вся беседа должна была внушить германской делегации убеждение, что, во-первых, переговоры западных держав с Россией близки к завершению, что, во-вторых, предстоящее соглашение между западными державами и Россией не устраняет тяжелые последствия, вытекающие для Германии из трех пунктов Лондонского меморандума, что, в-третьих, информация Джанини представляет собой приглашение Германии к вступлению в соглашение, на составление которого Германия не может больше оказать какого-либо влияния»⁷⁰. Германская дипломатия в ходе беседы с Джанини тщетно пыталась убедить его в неприемлемости трех пунктов Лондонского меморандума для Германии. Однако Джанини не придавал значения этому и реплике Ратенау, которая имела серьезное основание и смысл: «Мы вынуждены тогда поискать иные гарантии...» Так или иначе, линия, проводником которой оказался Джанини, видимо, исходила не из альтернативы — возможности соглашения Советской России с Антантой или с Германией, — а из неопровержимого вывода: Советская Россия вынуждена будет пойти на соглашение с Антантой и только с нею. Германия была приглашена к сотрудничеству с Антантой, но отнюдь не на основе равноправия. Мальцан записал в своем дневнике: «Тотчас после ухода господина Джанини, в 12 часов ночи министр Ратенау в присутствии господина Симсона (статс-секретаря по экономике в МИД) дал задание установить теперь контакт с русскими, чтобы возобновить обмен мнениями, прерванный в Берлине. Я установил с господином Иоффе телефонную связь и договорился с ним о встрече на следующее утро в 10 часов в Палаццо Реале»⁷¹.

На встречу с Мальцаном 15 апреля днем в условленном месте пришли два советских представителя — А. Иоффе и Х. Раковский. Они подробно информировали о ходе переговоров на вилле Альбертис, рассказали о трудностях в переговорах (в связи с контрпретензиями советской делегации, вытекающими из интервенции, а также в связи с французскими требованиями), однако в целом оценили эти переговоры как благоприятные. «Я осторожно прозондировал русских относительно возможного возобновления наших берлинских переговоров, — писал Мальцан. — Я сказал им, что в случае сепаратного соглашения на вилле Ллойд-Джорджа мы едва ли будем в состоянии предоставить им экономическую поддержку, о которой шла речь до сих пор. Эту помощь на основе начатых с индустрией переговоров я снова представил им как перспективу, однако потребовал в порядке компенсации, чтобы они дали нам возможность путем наибольшего благоприятствования получить долю в тех особых привилегиях, которые Антанта получила бы в итоге переговоров на вилле Ллойд-Джорджа, и предоставили бы нам гарантии относительно статьи 116»⁷². Советские представители подчеркнули, что Советская Россия независимо от урегулирования с Антантой хотела бы

⁶⁹ P. A. Deutsche Delegation in Genua. Akten betreffend: Vertrag von Rapallo, Az. 9, Bl. 112—114.

⁷⁰ Ibid., Bl. 113—114.

⁷¹ Ibid., Bl. 098—111.

⁷² Ibid.

установить отношения сотрудничества с Германией, однако считают, что желательные для Германии гарантии лучше всего могут быть обеспечены путем подписания договора. Они не дали определенных обещаний относительно безоговорочной приемлемости теперь берлинского текста договора, сославшись на необходимость информировать Чичерина, который занят на вилле Альбертис и вернется в Рапалло только поздно вечером. Мальцан подчеркнул, что для германской делегации приемлемо в качестве основы достигнутое в Берлине с одной-единственной оговоркой-перестраховкой: наибольшее благоприятствование на случай удовлетворения претензий относительно национализированной собственности. Дипломаты договорились, что подождут мнения Чичерина.

Сразу после встречи с советскими представителями Мальцан отправился к англичанам, чтобы обо всем рассказать им и побудить их пойти на отмену нежелательных для Германии пунктов Лондонского меморандума. В беседе с Уайзом вечером 15 апреля Мальцан откровенно поведал английскому представителю о своем демарше — готовности возобновить переговоры с советской делегацией на основе обсуждения двух моментов: наибольшего благоприятствования и отказа от статьи 116. Мальцан сделал максимальное, чтобы побудить англичан к сделке. Он сетовал, что германская делегация лишена возможности поставить перед державами эти вопросы, поскольку заседания подкомиссии, к которым Германия не допущена, перенесены на виллу Ллойд-Джорджа. На вопросы, поставленные Мальцаном, английский дипломат ответил, по всей видимости, искренне, однако не вполне определенно: «Вопрос поставлен перед премьер-министром, но Вы же знаете...» При этом он сделал соответствующее движение плечами, которое должно было выразить его недоумение и бесплодность его усилий. На прямой вопрос о состоянии переговоров на вилле Альбертис и английский представитель ответил в том смысле, что они идут благоприятно.

В дополнение к тому, что германские дипломаты слышали от Джанини, от советских представителей и от английского дипломата, к вечеру того же дня (15 апреля) распространились сенсационные слухи, что соглашение между приглашающими державами и Советской Россией уже достигнуто. Сообщения о благоприятном ходе переговоров на вилле Альбертис поступали с разных сторон: от итальянских официальных лиц, от корреспондента немецкой газеты «Fossische Zeitung» Раймера, от эксперта Хагена со ссылкой на высказывания Бенеша, от голландца ван Флессинга и т. д.⁷³ Германская делегация была весьма озабочена сложившейся ситуацией. Эмоционально-психологическая атмосфера, в которой она оказалась вечером 15 апреля, усугублялась тем, что поступающие новые сообщения и мнения не опровергали угрозу полной изоляции для Германии. «В довольно подавленном настроении мы вернулись домой,— записал Мальцан.— Я сидел с министром Ратенау, господином Хагеном и некоторое время с господином рейхсканцлером в холле гостиницы...» Как бы для того, чтобы еще раз поставить точку над *i*, в 11 часов вечера Уайз позвонил по телефону в германскую резиденцию и просил Мальцана уточнить еще раз нежелательные статьи Лондонского меморандума. Когда с германской стороны, кроме статьи 116, была названа еще и статья 260 Версальского договора, Уайз холодно сказал, что об этой статье вообще не идет речь. «Какого-либо заверения, что эта статья не будет применена против нас, Уайз не дал и в этот вечер. Запрос Уайза я сообщил собравшимся господам»⁷⁴.

В этой обстановке неопределенности для Германии, когда английская дипломатия проявила максимальную сдержанность, холодность и

⁷³ Ibid., Bl. 107—108.

⁷⁴ Ibid.

незаинтересованность, полагая, очевидно, что Германия и Советская Россия едва ли решатся на отдельный двусторонний договор, советская дипломатия проявила реализм и внимание к нуждам и положению Германии. Драматический телефонный звонок и ночной разговор, вошедший в историю дипломатии как пример реалистического подхода к нормам дипломатического протокола, выглядят в оригинальной записи Мальцана обыденно просто: «Ночью около 1.15 мин. мне позвонил Иоффе, что русская делегация готова вступить в новые переговоры с германской делегацией и была бы признательна, если бы мы с этой целью прибыли в Рапалло в воскресенье около 11 часов. На мой вопрос он ответил, что окончательного соглашения с союзниками еще не достигнуто, что, однако, перспектива соглашения имеется и что предполагается возобновить переговоры в понедельник или во вторник». В официальной записи Мальцан сухо сообщает, что тотчас доложил Симсону и Ратенау о новом обороте дела, однако опускает подробности ночного бдения германских делегатов, которое получило в литературе название «пижамного совещания»⁷⁵.

В итоге оживленного обмена мнениями и обсуждения различных вариантов дипломатического поведения в германской резиденции к утру было решено: а) принять приглашение в Рапалло, б) информировать Уайза по телефону о предстоящей поездке в Рапалло. После ночного телефонного звонка Иоффе и «пижамного совещания» 16 апреля днем в Берлин была отправлена телеграмма: «Здесьняя политическая обстановка в целом требует, по-видимому, подписания отдельного соглашения с Россией с целью обеспечения германских прав, которым угрожают известные лондонские предложения. По содержанию соглашение будет соответствовать хранящемуся у Гаушильда проекту. Все находящиеся здесь представители партий и эксперты настойчиво высказываются за заключение договора, чтобы избежать изоляции»⁷⁶.

16 апреля 1922 г. рейхсминистр Ратенау вместе со статс-секретарем Симсоном и Мальцаном приехали в Рапалло около 12 часов дня. Ратенау предложил Чичерину снова обсудить текст договора и поставил условие — оговорить гарантию, что Германия будет поставлена в равные условия с другими государствами в случае удовлетворения претензий «по социализации». Советские и германские представители занялись доработкой текста договора и формулы наибольшего благоприятствования. В конце дня в половине седьмого вечера нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин и министр иностранных дел Германии В. Ратенау подписали выработанный текст договора и обменялись доверительными письмами, которые рассматривались как дополнение и истолкование договора⁷⁷.

По советско-германскому договору стороны взаимно отказались от всяких финансовых претензий друг к другу: Советская Россия от претензий на репарации, а Германия — от претензий на возмещение за национализированную собственность. Это создало важный прецедент для урегулирования отношений Советской России с капиталистическими странами. Договор предусматривал не только восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами, но и развитие экономического сотрудничества и торговли на основе наибольшего благоприятствования.

В. И. Ленин, внимательно следивший за ходом конференции, приветствовал заключение в первые же дни конференции договора между

⁷⁵ Д'Абернон. Указ. соч., стр. 213.

⁷⁶ P. A. Deutsche Delegation in Genua. Bd. I, 096—144. Э. Лаубах полагает, что телеграмма была составлена Мальцаном накануне, однако отправка была задержана им. Тот же историк установил, что телеграмма отправлена в Берлин в 14 час. 40 мин. 16 апреля, то есть примерно за три часа до подписания договора (E. Laubach. Op. cit., S. 207).

⁷⁷ «Документы». Т. V, стр. 223—226.

РСФСР и Германией, усматривая в нем воплощение действительного равноправия стран, имеющих разные социальные системы. Ленинская оценка советско-германского договора приобрела особое значение и потому, что он определил его как образец, в соответствии с которым можно и необходимо регулировать отношения с капиталистическими странами. Одобрив подписание такого договора, В. И. Ленин дал следующую оценку его политического значения: «Действительное равноправие двух систем собственности *хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею экономического хаоса и войн к высшей системе собственности,— дано лишь в Рапалльском договоре*»⁷⁸. Заключение этого договора было совершенно определенным успехом ленинской дипломатии, которой удалось сорвать попытки западных держав навязать Советской России кабальные условия восстановления хозяйственных связей.

Договор получил широкий резонанс и поддержку в деловых и политических кругах Германии⁷⁹. Компартия Германии в связи с заключением договора опубликовала в конце апреля 1922 г. воззвание, в котором говорилось: «Российская делегация протянула Германии руку и заключила с ней справедливый, выгодный для обоих народов договор»⁸⁰. «Германский восточноевропейский экономический союз» (бывший «Ферейн Германских фабрикантов и экспортеров по торговле с Россией») направил 2 мая из Эльберфельда на имя рейхсканцлера письмо и резолюцию, принятую общим собранием членов, на котором присутствовало около 500 собственников и представителей фирм из 32 городов и районов Германии⁸¹. Участники собрания приветствовали заключение Рапалльского договора. «Они видят в соглашении,— говорилось в резолюции,— единственный путь восстановления Германии и России и их постепенного движения из нынешнего нетерпимого состояния к лучшему будущему. Участники собрания призывают германское правительство неуклонно идти по этому однажды избранному пути к цели и позаботиться о том, чтобы заключенный в Рапалло договор не остался бумагой, а приобрел для Германии жизненное значение»⁸².

Рапалльский договор, заключенный на равноправной основе, открыл целую историческую полосу в отношениях между двумя странами — между Советским государством и Веймарской республикой. Эта полоса характеризовалась практическим воплощением в жизнь принципов мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем.

Подписание договора между Советской Россией и Германией вызвало бурную реакцию стран Антанты, особенно Франции. Западные дипломаты усмотрели в этом акте нарушение Германией единства бывших собственников и кредиторов России. Дипломатические акции западных держав с целью заставить Германию отказаться от заключенного договора не возымели желаемого влияния. Советская и германская делегации заняли твердую позицию, отстаивая согласованно свое право регулировать отношения на двусторонней основе. Германская делегация отклонила демарш, предпринятый группой западных держав, и получила при этом полную поддержку советской стороны. Наиболее резким нападкам германская делегация подвергалась в связи с выбором момента для подписания.

⁷⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 193.

⁷⁹ Официальную германскую оценку договора см. «Советско-германские отношения». Т. 2, стр. 531—546, 548—552.

⁸⁰ Там же, стр. 518.

⁸¹ G. Rosenfeld. Op. cit., S. 396—397; И. А. Росенко. Советско-германские отношения в 1921—1922 гг. Л. 1965, стр. 100—101.

⁸² P. A. Rapallovertrag. Bd. 2, Bl. 097—098.

Собственно Рапалльский договор не давал империалистическим державам никакого повода для срыва конференции, однако сам факт его подписания существенно изменил обстановку в Генуе. Тотчас после получения сообщения от делегации из Генуи о подписании договора с Германией, 18 апреля, В. И. Ленин поставил вопрос о необходимости немедленной его публикации⁸³. На другой день было напечатано официальное сообщение НКВД о подписании договора с кратким изложением его содержания⁸⁴. В последующие дни (21, 24 апреля) В. И. Ленин специальными записками рекомендовал послать Г. В. Чичерину указание: ни в коем случае не идти на признание частных долгов, а тем более на восстановление собственности капиталистов, используя именно договор с Германией как прецедент и не боясь срыва конференции⁸⁵.

Натолкнувшись на прочную позицию Советской России в вопросе о финансовых претензиях, особенно на отказ от восстановления собственности иностранных капиталистов, западные державы осознали, что на конференции они не смогут добиться своих целей, и стали склоняться к свертыванию ее работ и перенесению нерешенных проблем на новые переговоры в будущем. До середины мая Генуэзская конференция, хотя, как острили журналисты, и на костылях, продолжала свои заседания; происходил обмен меморандумами, рассматривались возможности дальнейшей работы экспертов и т. д. Однако западные державы были лишены теперь всяких надежд на то, чтобы поставить Советскую Россию в положение испытываемого государства. Договоренность продолжить обсуждение проблем (долгов, реституций, кредитов, концессий и других) в комиссиях экспертов была максимальным результатом Генуэзской конференции в целом.

Однако ее историческое значение не ограничивается тем, что во время нее были завершены переговоры и подписан договор между двумя ее участниками — Советской Россией и Германией. Генуэзская конференция подготовила почву для налаживания деловых отношений широкого круга государств с участием Советской республики, которая предложила в качестве основы сотрудничества реалистический и справедливый принцип — мирное сосуществование. Само участие советской делегации в конференции означало признание де-факто Советского государства широким кругом европейских государств и подготовило его дипломатическое признание этими государствами. Правительства европейских государств имели возможность непосредственно из уст советских представителей получить представление о конструктивных предложениях по налаживанию взаимовыгодных отношений.

Историческое значение Генуэзской конференции состоит также в том, что здесь впервые была предпринята смелая инициатива советской дипломатии официально внести в повестку дня межгосударственных переговоров жизненно важный для народов вопрос о всеобщем разоружении. В итоге конференции Советское правительство с сожалением отметило, «что это предложение делегации РСФСР не нашло отклика среди представителей других держав, представленных на Генуэзской конференции, и было снято с обсуждения»⁸⁶. Борьба за всеобщее разоружение была с самого начала и остается до сих пор важной составной частью долговременной внешнеполитической программы Советского государства, ленинской традицией советской внешней политики. Представители капиталистического мира отвергли обсуждение советского предложения о разоружении в тот момент, однако вынуждены были с ним считаться впоследствии. На Генуэзской конференции был поставлен вопрос о «воздержании от всяких актов нападения» на основе сохра-

⁸³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 161.

⁸⁴ «Известия», 19.IV.1922.

⁸⁵ «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 474, 475.

⁸⁶ «Документы». Т. V, стр. 383—386.

нения status quo. В итоге дискуссий к 17 мая 1922 г. в политической комиссии конференции были согласованы основные положения «об отказе от всяких агрессивных актов» и был выработан проект договора⁸⁷.

В заключительном выступлении на пленарном заседании Генуэзской конференции 19 мая 1922 г. Г. В. Чичерин подчеркнул, что советская делегация видит значение конференции в том, что «уже один факт собрания всех европейских государств, без различия победителей и побежденных и без различия систем собственности, является памятным событием, которому суждено принести реальные результаты в деле восстановления всеобщего мира и экономического возрождения Европы»⁸⁸. История подтвердила правомерность этой оценки события, в котором ленинская дипломатия сыграла видную, можно сказать, определяющую роль.

При закрытии Генуэзской конференции 19 мая 1922 г. председательствовавший, представитель Италии Факта, подводя общие итоги работ, подчеркнул, что одной из основных проблем участники конференции считали возвращение России на ее место в экономической жизни Европы. Он отверг оценку конференции как бесполезной и бесплодной. «Мы нашли некоторые точки соприкосновения между нашими идеями и идеями представителей России и определили точки расхождения, нас разделяющие... Открытие пути к европейскому восстановлению будет считаться делом Генуи... Генуя, не успев, может быть, совершить все, чего от нее ждали и на что надеялись, открыла путь к новой европейской политике»⁸⁹. Генуэзская конференция действительно открыла новую страницу в истории европейской дипломатии, ибо показала, что социализм становится той силой, без которой невозможно удовлетворительное решение проблем мировой политики и межгосударственных отношений.

⁸⁷ «Материалы Генуэзской конференции», стр. 295—296.

⁸⁸ «Документы». Т. V, стр. 410, № 169.

⁸⁹ «Материалы Генуэзской конференции», стр. 453—454.